

УДК 94(437)[9/13]

ПРЖЕМЫСЛОВСКАЯ ЛЕГЕНДА И КОРОНАЦИОННЫЙ ОБРЯД ПРАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ¹

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается эволюция обряда коронации правителей средневековой Чехии с древнейших времён до середины XIV века. Главное внимание уделяется тем аспектам обряда коронации, происхождение которых связано с легендой об основателе династии Пржемысловичей – Пржемысле-пахаре.

Ключевые слова: Чехия, средние века, обряд коронации, Пржемысловичи.

The Legend of Přemysl and the Coronation Ceremony of Medieval Bohemia Rulers

A. N. Galyamichev

The article describes the evolution of the coronation tradition of medieval Bohemia rulers from the earliest times to the middle of the XIV century. The emphasis is made on the aspects of the coronation rite, the origin of which is associated with the legend about the founder of the Přemyslid dynasty, Premysl the ploughman.

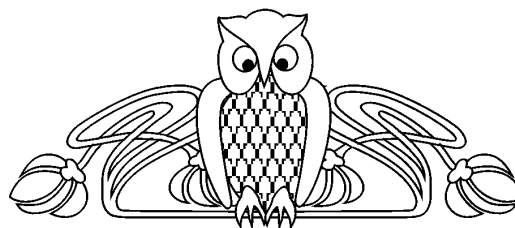
Key words: Bohemia, Middle Ages, coronation rite, Přemyslid dynasty.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-199-201

Карл IV Люксембург – первый из королей Чехии, который стал императором Священной Римской империи (годы правления: 1346–1378), принадлежит к числу наиболее ярких правителей средневековой Европы. Проводимая им политика отличалась тщательной взвешенностью, умением ставить значимые цели и достигать их².

Ещё до коронации в качестве правителя Чехии он позаботился о внесении в сложившийся к середине XIV в. обряд изменений, призванных укрепить королевскую власть. Важнейшим из этих шагов стало изготовление короны святого Вацлава – шедевра ювелирного искусства, остающегося и сегодня одним из символов чешской государственности.

Кроме того, согласно предписаниям разработанного им тогда же «Уложения»³ обряду коронации в соборе святого Вита на Пражском граде должно было предшествовать паломничество будущего короля на Вышеград. Здесь в древней крепости, которая являлась резиденцией чешских князей в XI–XII вв., он должен был поклониться лыковым лаптям и суме Пржемысла-пахаря – основателя княжеской и королевской династии, правившей в Чехии с древнейших времён до 1306 г.

Что же это за предметы, столь необычные для коронационных церемоний европейских правителей XIV века? Куда уходит их родословная?

Исследователь истории средневековой Чехии обладает редкой возможностью реконструкции представлений о происхождении княжеской власти в чешском обществе ранне-средневековой эпохи. Эту возможность предоставляет знаменитая «Чешская хроника» каноника Козьмы Пражского, писавшаяся почти одновременно с древнерусской «Повестью временных лет» в первой четверти XII в.

Хроника Козьмы содержит любопытный рассказ о происхождении княжеского рода Пржемысловичей. Я позволю себе напомнить его основной событийный ряд. Хронист пишет, что в древние времена племя чехов управлялось мудрым судьёй Кроком, а после его смерти – дочерью Крока Либушей, которая «среди женщин единственная была в своих решениях предусмотрительна, в речи – решительна, телом – целомудренна и нравом – скромна»⁴.

Одно из судебных решений Либуши вызвало, однако, бурный протест. Козьма рассказывает: «Тот, дело которого было проиграно, ... воскликнул, брызжа слюной, переполнившей его рот: «О, оскорбление, непереносимое для мужчин! Эта ничтожная женщина со своим лукавым умом берётся разрешать мужские споры!.. Лучше мужчинам умереть, чем терпеть подобное. Природа выставила нас на позор народам и племенам за то, что мы не имеем правителя и судьи из мужчин и над нами тяготееют женские законы». В ответ на это Либуша, сделав вид, что не заметила нанесённое ей оскорбление, сказала: «Я кажусь вам не слишком умной, ибо веду суд не прибегая к железной палице. Поскольку вы живёте, не ведая страха, то вы, естественно, питаете ко мне пренебрежение. Ибо где страх, там и уважение. А теперь надо, чтобы вы получили правителя более жестокого, чем женщина»⁵.

На следующий день Либуша обратилась к чехам с вопросом о том, настаивают ли они на своём мнении. Услышав единодушный крик с требованием дать им князя, она назвала имя и местонахождение того, кому было суждено стать народом князем, а ей – супругом.

Послы отправились в указанном Либушей направлении и пришли в деревню Стадице, где нашли будущего князя. Им оказался пахарь Пржемысл, который обрабатывал свою ниву на двух пёстрых волах. Выслушав просьбу послов, Пржемысл с готовностью принял предложение стать мужем Либуши и занять чешский престол. Даже не заходя домой, он надел княжескую одеж-

ду и обувь, сел на горячего коня и отправился в путь вместе с послами.

При этом Пржемысл, по словам хрониста, взял с собой лапти, сплетённые из лыка, и велел сохранить их на будущее. На вопрос одного из бойких на язык послов о том, для чего были сохранены эти лапти, «годные только на то, чтобы их выбросить», Пржемысл ответил: «Я приказал и приказываю их сохранить вечно для того, чтобы наши потомки знали, откуда они ведут свой род, чтобы они всегда жили в страхе и настороженности и чтобы людей, посланных им Богом, они не угнетали, не обращались с ними несправедливо по причине [своей] надменности, ибо все мы созданы равными по природе»⁶.

Поучительный рассказ Козьмы зафиксировал бытовавший в сознании чешского общества начала XII в. образ княжеской власти, который был отмечен многочисленными вкраплениями глубинных пластов исторической памяти чешского народа.

В пересказанном Козьмой древнем предании сохранились отголоски событий и явлений чешской истории, относящихся к далёкому прошлому: воспоминания о докняжеском периоде чешской истории, о связанном с утверждением княжеской власти коренном переломе в общественном устройстве, о первоначальном равенстве всех свободных членов племени, наконец, о происхождении княжеского рода в буквальном смысле слова «от сохи», из крестьянского простонародья.

Почему Чехия начала XII в. даёт нам столь своеобразное видение происхождения и сути княжеской власти? Думается, что объяснение следует искать в особенностях процесса становления и раннего развития средневековой чешской государственности. Главной чертой его своеобразия видится органический, естественный, постепенный характер. Волны иноземных вторжений, которые в эпоху раннего средневековья неоднократно накатывались на Западную и Центральную Европу, нарушая естественный ход развития племён, государств и народов, почти не затронули этот благодатный уголок земли, хранимый кольцом пограничных гор, покрытых непроходимыми лесами. Даже венгерское нашествие, которое буквально стёрло с лица земли Великую Моравию и в течение полувека держало в страхе весь западно-христианский мир, не оставило сколько-нибудь глубоких следов в исторических судьбах славянских племён Чешской долины, – и это притом, что «воскресшие гунны» обосновались на постоянное жительство в непосредственном соседстве с Чехией.

Эта органическая постепенность имела следствием длительное сохранение в общественном и государственном устройстве средневековой Чехии институтов, обычаев и традиций, уходящих корнями в первобытную древность. Вплоть до конца XII в. Чехия не знала устоявшейся традиции писаного права, и князь выступал в качестве его источника как олицетворение высшей справедли-

вости, о чём красноречиво свидетельствуют слова Козьмы Пражского: «Тот, кто управляет законами, законам не подчиняется, ибо у закона, как говорят в народе, нос из воска, и король, у которого рука железная и длинная, направляет его куда захочет»⁷.

Наконец, социальная структура населения чешских земель характеризовалась относительно слабой степенью дифференцированности, относительно широкими возможностями вертикальной социальной мобильности, отсутствием отчётливых юридических границ между социальными верхами и свободным трудящимся населением, сохранением политической и военной роли последнего.

Разумеется, во многих случаях речь шла о сохранении лишь старых форм, исконность и неизблемость которых придавали чешской государственности особую прочность силой авторитета старины – одной из наиболее значимых величин в средневековой системе ценностей.

Вступлению на престол нового правителя предшествовало избрание князя на сейме, право участия в котором формально сохраняли все свободные жители страны. Сама церемония обретения княжеской власти вплоть до конца XII в. происходила в форме древнего обряда «настоления» – восшествия нового правителя на почитавшийся со времён языческой древности каменный престол⁸. Особо почитаемым предметом, освящавшим своей древностью права рода Пржемысловичей на княжескую власть, оставались во времена Козьмы Пражского лыковые лапти, о чём он рассказал в своей хронике.

Временем быстрых и в то же время глубоких перемен во всех сферах жизни средневекового чешского общества стало XIII столетие. Отмеченное интенсивной немецкой колонизацией и утверждением принесённых вместе с ней правовых норм и институтов, оно стало эпохой оформления рыцарского сословия и утверждения в его среде новых форм образа жизни, ценностных ориентиров и стиля мышления, который происходил под определяющим влиянием западноевропейских образцов рыцарской культуры.

В чешские земли пришли рыцарские турниры, гербы и титулы. При королевском дворе находили пристанище и радушный приём странствующие поэты-миннезингеры, а король Вацлав II сам – и безуспешно – пробовал свои силы на поэтическом поприще⁹.

Образ короля-миннезингера плохо сочетался с лыковыми лаптями Пржемысла-пахаря. Их следы постепенно затерялись, исчез из пределов Пражского града и древний каменный престол: коронация Вацлава I в 1228 г. впервые была совершена немецкими епископами по западному образцу¹⁰.

С наибольшей наглядностью изменения в представлениях о природе королевской власти проявились на сейме 1307 г. во время обсуждения вопроса о кандидатуре нового короля после скорострительной смерти едва вступившего на чешский престол Рудольфа Австрийского. В момент наивысшего на-

кала страстей, когда противники кандидатуры брата умершего короля Фридриха Австрийского обвинили одного из предводителей проавстрийской партии пана Тобиаша из Бехине в том, что он пытается навязать чехам короля-иностранца, тот решил возразить на это возможно более язвительным образом.

Он заявил, что если участники сейма намерены возвести на престол непременно местного короля, то лучшим решением будет в этом случае послать гонцов в деревню Стадице и привезти оттуда кого-нибудь из тамошних крестьян в качестве супруга для княжны Элишки, дочери короля Вацлава II, избранник которой имел бы в этом случае наиболее веские основания для вступления на чешский престол.

Эти слова пана Тобиаша вызвали такой взрыв негодования в стане его противников, что самый отчаянный из них, пан Ольдржих из Лихтенбурга, выхватил меч и пронзил им пожилого Тобиаша, после чего заседание сейма превратилось в ожесточённую вооружённую схватку¹¹.

Почему же в середине XIV в. Карл Люксембург вспомнил о лаптях Пржемысла? Объяснение следует, на наш взгляд, искать в особенностях условий, сложившихся к моменту его вступления на престол. Первая половина XIV в. стала временем падения авторитета королевской власти в Чехии, всевластия могущественных панских родов, присвоивших многие королевские земли и замки.

Логичным может показаться предположение о том, что лыковые лапти могли выступить в качестве символа политики обуздания панского своеволия, опоры на другие сословия чешского общества. Однако такое предположение не находит подтверждения в других действиях короля и императора.

Речь в данном случае должна, по-видимому, идти о попытке привлечь на свою сторону представителей всех чешских сословий, озабоченных негативными последствиями ослабления королевской власти в условиях длительного отсутствия в стране его отца – короля-иностранца Иоанна из династии Люксембургов.

Установление возможно более прочной связи своей власти с многовековой пржемысловской традицией (а матерью Карла была последняя представительница древнего рода чешских правителей – Элишка Пржемысловна) было призвано способствовать решению этой задачи.

Другим, внешне совершенно противоположным выражением той же тенденции стал культ

святого Вацлава – представителя рода Пржемысловичей, погибшего мученической смертью в X в. Изготовленная в 1347 г. по повелению Карла IV корона св. Вацлава постоянно хранилась в соборе св. Вита на Пражском граде и являлась главным атрибутом обряда коронации. Она предоставлялась вступающему на престол королю только на время обряда коронации и всякий раз возвращалась к её подлинному владельцу – небесному покровителю Чехии святому Вацлаву.

Таким образом, лапти Пржемысла были возвращены в обряд коронации королев Чехии в XIV в. в качестве одного из символов принадлежности Карла IV к древнему роду правителей Чехии, что было призвано создать возможно более прочное обоснование правомерности и нерушимости его власти перед лицом вызовов того необычайно сложного времени, в какое ему довелось жить и управлять государством.

Примечания

- 1 Настоящая статья написана на основе доклада, прочитанного автором на Пятых научных чтениях памяти профессора С. М. Стама, проходивших в Саратовском государственном университете 26 ноября 2016 г.
- 2 См.: *Леонтьевский А. В.* Искусство возможного в политике Карла IV Люксембурга. Волгоград, 1995. 76 с.
- 3 См.: *Мельников Г. П.* «Уложение о коронации чешского короля» Карла IV : идеология и обряд // Репрезентация власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа) : Славяне и их соседи : тез. докл. XXI конф. М., 2004. С. 55–56.
- 4 *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М., 1962. С. 37.
- 5 Там же. С. 38.
- 6 Там же. С. 44.
- 7 Там же. С. 113.
- 8 См.: *Ванечек В.* История государства и права Чехословакии. М., 1981. С. 67–68.
- 9 См.: *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 202.
- 10 См.: *Zupka D.* Rex eris, sirectefacias : si non facias, non eris. Panovníckamoc a jejereprezentácia v stredovekajstrednej Európe (10 – 13. storočie) // Forum Historiae. 2014. № 2 : Moc a stat v stredovekej Európe. S. 209.
- 11 См.: *Kronika Zbraslavská* / ed. V. Novotný. Praha, 1905. S. 195 ; *Kronika Pulkavova* // Fontesrerum Bohemicarum : in VIII t. Pragaе, 1893. T.V. P. 189 ; *Tomek W. W.* Dějepis města Prahy : Ve 12 d. Praha, 1855. D. I. S. 465.

Образец для цитирования:

Галямичев А. Н. Пржемысловская легенда и коронационный обряд правителей средневековой Чехии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 199–201. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-199-201.

Cite this article as:

Galyamichev A. N. The legend of Přemysl and the coronation ceremony of medieval Bohemia rulers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 199–201 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-199-201.